

Секция «Психология социальных отношений между мужчинами и женщинами»

Субъективное благополучие личности: полоролевой аспект

Научный руководитель – Котова Марина Викторовна

Горшкова Анастасия Сергеевна

Аспирант

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Факультет социальных наук, Москва, Россия

E-mail: kitsune_2@outlook.com

Субъективное благополучие — генерализованная квантифицируемая оценка самим субъектом того, насколько его жизнь в целом близка к максимально желательному им состоянию. Парадигма субъективного оценивания отличает конструкт субъективного благополучия от психологического благополучия, представляющего собой оценку выраженности личностных предикторов счастья, и качества жизни, представляющего собой объективную оценку благоприятности внешних условий жизни для благополучия. Известно, что благополучие имеет динамическую природу и подвержено как личностным, так и культурным факторам (Леонтьев, 2020).

Современными исследователями описываются следующие социальные факторы, увеличивающие риск деструктивного развития и самоощущения индивида, ухудшении всех видов благополучия, повышающие риски кризиса идентичности. Среди них транзитивность — ускорение ритмов жизни; слоистость времени; проявляющаяся в разнообразии жизненных стилей ценностная неоднородность; проницаемость как пространственных, так и дисциплинарных границ, антиномичность индивидуализации и глобализации, неопределенность, социальная нестабильность и многие другие.

Данные факторы описываются применительно к личностной и социальной идентичностям. Проблема идентичности ставится особенно остро при учёте описанных факторов. Особый интерес представляет в этой связи анализ гендерной идентичности. Гендерная идентичность — это внутренняя составляющая, отражение гендера внутри личности, самосознание, самопонимание и переживание личностью себя как представителя и носителя определенного гендера — социального конструкта, демонстрирующего преломлённые той или иной культурой сочетания мужских и женских характеристик.

Половая дифференциация при анализе благополучия личности обнаруживает доказательную базу. Психиатрические исследования показывают, что женщины чаще мужчин обнаруживают так называемые «интернализированные» расстройства, такие как депрессия и психологический дистресс, а мужчины, в свою очередь, «экстернализированные» расстройства — антисоциальное поведение, принятие наркотических препаратов. Кроме того, уровень самоубийств среди мужчин выше, чем среди женщин.

Согласно концепции гендерных отношений И. С. Клециной (2006), гендерный контекст отношений разворачивается при соотношении характеристик следующих личностных подструктур: «Я как индивидуальность (личностный компонент) — Я как представитель гендерной группы (социальный компонент)». Личность, конструируя гендерную идентичность, строит не только свой собственный образ, но и образ группы, к которой она принадлежит или не принадлежит. Конструктивистский потенциал гендерной идентичности заключается в том, что осознание человеком своей принадлежности к гендерной группе и эмоциональная значимость для него этой группы обуславливают построение «образа Я» и «образа групп» в конкретных социальных условиях. В фундаментальных психологических гендерных исследованиях подчеркивается существование таких феноменов, как внутриличностный гендерный конфликт и кризис гендерной идентичности: негативное их

переживание субъектом обуславливает негативную (конфликтную) же гендерную идентичность.

Степень, в которой действия индивида соответствуют идеалу присвоенной ему социальной категории, как указано в предписаниях и характеристиках, может привести к увеличению или уменьшению субъективного благополучия, обусловленного приобретением или потерей гендерной идентичности.

В этой связи основная проблема исследования формулируется нами следующим образом: является ли гендерная идентичность – способы ее конструирования и индивидуальная информация, содержащаяся в ней – источником, предиктором уровня субъективного благополучия личности? Поставить формулировку таким образом, «отойдя» от типологической методологии гендерной идентичности, нас понуждает теория социального конструктивизма, которая в силу вышеописанных социальных условий и культурологических тенденций выходит на первый план, подчёркивая современную индивидуальность гендерной траектории каждого человека, которую не всегда возможно описать имеющимися типами и концептами.

Анализ существующих подходов к решению задачи

В психологической зарубежной и отечественной литературе были предприняты попытки анализа гендерного аспекта психологического и субъективного благополучия личности. Мы делаем теоретическое допущение, сближая эти конструкты в теоретическом анализе, поскольку, как будет видно далее, исследования психологического и субъективного благополучия обнаруживают общие тенденции.

Андрогинная модель. Андрогинная идентичность, предложенная ещё С. Бэм (2004), как идеальная в аспекте реализации здоровья и психологического благополучия, представляет собой сочетание как маскулинности, так и фемининности. В этом отношении андрогинные индивиды включили в свою идентичность баланс как «мужских», так и «женских» черт. Увеличение поведенческого репертуара черт подразумевает возможность андрогинному субъекту реагировать на более широкий спектр ситуаций и адаптироваться к ним в зависимости от контекста. Именно эта способность увеличивает их адаптацию. Бэм отмечает, что гендер может включать в себя нечеткие наборы моделей поведения, ролей, установок и атрибутов, организованных вокруг традиционных мужских и женских прототипов. Это подразумевает, что существуют определенные степени вариативности в ролях, которые сконструированы культурно и социально, и что они не всегда полностью стереотипны для каждого биологического пола. Таким образом, биологические женщины могут перенимать мужские черты в меньшей или большей степени, биологические мужчины могут перенимать женские черты в меньшей или большей степени или каждый из полов может перенимать мужские и женские черты поровну.

Различия в более широкой социокультурной среде – в рамках семейной структуры, в контексте школьного обучения и педагогов в школьной среде, религиозной общины и/или в контексте расширенной семьи индивидов и/или сверстников – могут определять идентичность и психологическое отношение индивидов к ней, то есть их принятие или неприятие этих идентичностей и степень, в которой они интегрируют их в свою личность.

Таким образом, социокультурные различия могут в конечном итоге определить полоролевую стратегию, которую одобряют индивиды, и диапазон, в котором поведение индивидов становится стереотипно мужским, стереотипно женским или андрогинным [10].

Маскулинная модель. Хотя модель андрогинности с момента своего теоретического зарождения получила обширную эмпирическую базу в поддержку своих положительных результатов, конкурирующей моделью в отношении того, что является идеалом развития в отношении здоровья и благополучия, была модель маскулинности.

В противовес андрогинности приверженцы модели маскулинности предположили, что

те, кто более мужественен, будут обладать наибольшим уровнем здоровья и благополучия независимо от того, являются ли они биологически мужчинами или женщинами. С момента зарождения андрогинности как предложенного психологического идеала, противники этой модели в первую очередь ссылались на незначительное влияние женственности на общее благополучие. В этой связи была подчеркнута ценность традиционного поведения и черт, ориентированных на мужчин, как более социально желательных, чем те, которые ассоциируются с женственностью, и было высказано предположение, что именно эти черты, ориентированные на мужчин (проявляющиеся у андрогинных индивидуумов), на самом деле объясняют разницу в благополучии, испытываемом андрогинными индивидуумами.

Основываясь на этой предпосылке, многие исследователи, пытающиеся исследовать связь между полоролевыми особенностями и благополучием, обнаружили большой объяснительный потенциал маскулинности по сравнению с андрогинностью или фемининностью как более адаптивной. Таким образом, эти исследователи утверждали, что именно компонент маскулинности, а не обязательно совокупный баланс мужских и женских черт, является причиной всех положительных результатов в области здоровья и благополучия для андрогинности.

В критическом метааналитическом обзоре 35 исследований, изучающих связь полоролевых установок с самооценкой, предложенной в качестве наиболее широко используемого показателя психологического благополучия, результаты наиболее убедительно подтверждают модель маскулинности [16].

Однако, несмотря на данные о положительном воздействии андрогинности и маскулинности на благополучие, как модель андрогинности, так и модель маскулинности не всегда давали последовательные результаты. В качестве примера мы оставляем ссылку на исследование на испанской выборке [14], показывающее, что значимое место в определении психологического благополучия как мужчин, так и женщин занимает статистически значимо высокий уровень как маскулинности, так и фемининности («плюс» к андрогинной модели), при этом в сравнении друг с другом маскулинность показывает себя наиболее важной переменной с большим объяснительным потенциалом в регрессионном анализе («плюс» к маскулинной модели). Также критическим замечанием может служить описание И.С. Коном [4] социокультурного кризиса маскулинности как кризиса привычного гендерного порядка, «маскулинной идеологии» и «гегемонной маскулинности», создающих психологические трудности для обоих полов. Традиционная «маскулинная идеология» и «гегемонная маскулинность» перестали соответствовать изменившимся социально экономическим условиям и создают социально психологические трудности как для женщин, так и для самих мужчин. В этой связи положение о маскулинности как о единственном и главном источнике благополучия видится шатким.

Дифференцированная модель. С 1980-х годов постоянно растущая подгруппа исследователей полоролевого опросника С. Бэм предположила, что конструкция состоит из большего количества измерений, чем первоначально предполагалось, и аргументировала различие социально желательных (положительных) и нежелательных (отрицательных) гендерных черт. Отмечается, что в случае наличия негативных атрибутов и отсутствия оценки их вклада это может привести к искажению результатов исследования, поэтому концептуализация этих атрибутов необходима.

Вудхилл и Сэмюэлс выступили за принятие дифференцированной модели и предложили выделить семь категорий полоролевой идентичности: положительная маскулинность, отрицательная маскулинность, положительная женственность, отрицательная фемининность, положительная андрогинность, отрицательная андрогинность и недифференцированная идентичность. Согласно этой модели, человек мог бы быть преимущественно позитивно маскулинным, если бы он обнаружил высокую степень положительно маскулинных

черт, и наоборот.

Что касается андрогинности, позитивно андрогинный индивид может демонстрировать высокий уровень независимости (позитивная маскулинность), сострадания (позитивная женственность), амбиций (позитивная маскулинность) и/или терпимости (позитивная женственность), в то время как негативно андрогинный человек может демонстрировать высокий уровень покорности (негативная женственность) и эгоизма (негативная маскулинность), быть чрезмерно тревожным (отрицательная женственность) и/или агрессивным (отрицательная мужественность). Предполагается, что андрогинные люди обладают более полным поведенческим репертуаром в том смысле, что они, благодаря своему балансу между мужскими и женскими характеристиками, способны проявлять более широкий спектр форм поведения и реакций на сигналы окружающей среды. Однако, если личность отрицательно андрогинна, у неё был бы более широкий спектр негативного поведения и реакций на сигналы, а также больший репертуар нежелательного поведения, из которого можно было бы выбрать ответ.

Однако основной точкой критики данных подходов является низкая содержательная и конструктивная валидность диагностического инструментария, к которому привязываются выделенные типы. Исследователями отмечается, что опросник С. Бэм, на который в большинстве случаев производилась опора при выделении данных моделей, ограничивается оценкой связанных с полом черт поведения и общения, но не объясняет конструкт маскулинности и фемининности в полной мере, и, к сожалению, это актуально в большинстве культур, включая русскую, несмотря на попытки внести дифференциацию в процесс подсчета.

Для решения проблемы предлагается отойти от типологической методологии анализа гендерной идентичности и обратить внимание на предикторы, задающие индивидуальную траекторию конструирования гендерной идентичности. Большинство предикторов, которые можно включить в анализ, уже широко известны и исследованы специалистами в области субъективного благополучия (совладающее поведение; стратегии поддержания позитивной идентичности); для решения проблемы возможно лишь придать гендерную «точку зрения» этим предикторам.

Источники и литература

- 1) Леонтьев Д.А. Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 14-37.
- 2) Бэм С. Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему неравенства полов / С. Бэм; пер. Д. Викторова. М.: РОССПЭН, 2004. 336 с.
- 3) Клецина И.С. Психология гендерных отношений: дис. ... д-ра психол. наук. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. 460 с.